

Дюла Урбан

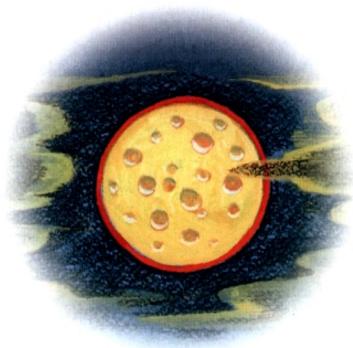

ВСЕ МЫШИ ЛЮБЯТ СЫР

Я ОТ СЫРА МОГУ ОТКАЗАТЬСЯ,
ОТ ТЕБЯ — НИ ЗА ЧТО, НИКОГДА!

В одной уютной сыроварне жила семья серых мышей.
Всё у них было прекрасно: тёплый дом, воспитанный сын
и много-много сыра. Но с приходом новых жильцов — семейства
белых мышей — безмятежная жизнь в сыроварне закончилась.
Только мышата из обоих семейств не обращали внимания
на раздоры взрослых. Шома и Фружи решили никогда
не расставаться, чего бы им это ни стоило.
Взрослые наверняка вспомнят похожую, не очень весёлую историю...
Зато у этой книги финал очень счастливый и неожиданный!
В репертуаре почти каждого детского театра есть спектакль
«Все мыши любят сыр», ведь история про мышат Шому и Фружи
уже облетела весь мир вслед за историей о Ромео и Джульетте!

9 785998 506208

Фружина

Папа Мартон

Мама Лиди

Шома

**Из личной
библиотеки:**

.....
фамилия

.....
имя

Дюла Урбан

**ВСЕ МЫШИ ЛЮБЯТ
СЫР**

Санкт-Петербург
Издательская Группа «Азбука-классика»
2010

УДК 82-93
ББК 84(4Вен)
У69

Перевод с венгерского и литературная редакция *Сергея Вольского*

Иллюстрации *Анатолия Васильева*

MINDEN EGÉR SZERETI A SAJTOT

Copyright © URBÁN GYULA

Урбан Д.

У69 Все мыши любят сыр : Сказка / Пер. с венг. С. В. Вольского. — СПб. : Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. — 64 с. : ил. — (Очень прикольная книга).

ISBN 978-5-9985-0620-8

Прекрасная и трогательная история дружбы и любви, побеждающих любые преграды!

В одной уютной сыроварне жила семья серых мышей. Всё у них было прекрасно: тёплый дом, воспитанный сын и много-много сыра. Но с приходом новых жильцов — семейства белых мышей — безмятежная жизнь в сыроварне закончилась. Только мышата из обоих семейств не обращали внимания на раздоры взрослых. Шома и Фружи решили никогда не расставаться, чего бы им это ни стоило.

Взрослые наверняка вспомнят похожую, не очень весёлую историю... Зато у этой книги финал очень счастливый и неожиданный!

В репертуаре почти каждого детского театра есть спектакль «Все мыши любят сыр», ведь история про мышат Шому и Фружи уже облетела весь мир вслед за историей о Ромео и Джульетте!

УДК 82-93
ББК 84(4Вен)

Литературно-художественное издание

Для младшего школьного возраста

СЕРИЯ «ОЧЕНЬ ПРИКОЛЬНАЯ КНИГА»

Дюла Урбан

ВСЕ МЫШИ ЛЮБЯТ СЫР

Ответственный редактор *Евгения Тихонова*. Художественный редактор *Сергей Ерёмченко*.

Технический редактор *Елена Антонова*. Корректор *Екатерина Гайдель*

Подписано в печать 10.11.2009. Формат издания 84×108 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Гарнитура SchoolBookC. Усл. печ. л. 6,7. Тираж 10000 экз. Заказ № 0319.

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 78.01.07.953.П.011281.07.09 от 03.07.09

Издательская Группа «Азбука-классика».

191014, Санкт-Петербург, ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н.

www.azbooka.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-принт», г. Тверь

www.pareto-print.ru

CAOP336201R

ISBN 978-5-9985-0620-8

© С. Вольский, перевод, 2010

© Издательская Группа «Азбука-классика», 2010

Первая глава,

в которой в Городок прибывает странствующий музыкант, сказочник и бывший директор всемирно известного театра белых мышей «Бродячая шарманка» Закариаш

Над маленьким городком медленно сгущались сумерки. За разноцветными стёклами одноэтажных домиков одна за другой зажигались свечи, и, когда солнце спряталось за вершины далёких гор, приближающийся к Городку путник уже не видел ничего, кроме этих дружелюбно мерцающих тёплых огоньков.

Странствующий музыкант Закариаш остановился на холме, неподалёку от городских стен, взглянул на окна, светившиеся, как разноцветные фонарики, и вздохнул:

— Ах, как красиво! Как в сказке.

Он потёр посиневшие от холода пальцы и покатил свою громадную шарманку по склону холма прямо к городским воротам. Когда он добрался до крошечной центральной площади, с неба повалили крупные хлопья снега. Закариаш поднял голову и, увидев звёздочки, просвечивающие сквозь тяжёлые снежные облака, и потрепанных ворон, порхающих перед жёлтым диском полной луны, вздохнул ещё раз. Потом перевёл взгляд на

запорошенную снегом ветхую шарманку, после чего вздохнул в третий раз, взялся за латунную ручку своего допотопного инструмента и...

Эффект превзошёл все ожидания. Из шарманки вырвались оглушительные, душераздирающие звуки — настоящий кошачий концерт.

Тут же распахнулось одно из окон.

— Проваливай отсюда со своим ржавым ящиком! — завопила тучная особа в белом чепчике, взбивавшая в большой медной ступке сливки на ужин.

Закариаш сконфуженно поклонился в её сторону, но от испуга и неожиданности ещё быстрее завертел ручку.

От такого бесстыдства женщина в чепчике побагровела, как варёный рак, и с возмущённым криком метнула в Закариаша сбивалку для сливок.

— Безобразие! Просто невозможно писать стихи! — Распахнулось окно в домике напротив, и из него вылетела истрёпанная книжка, за которой последовала чернильница, угодившая в плечо музыканту.

Закариаш оторопело взглянул на расплывавшееся по плащу чернильное пятно и от растерянности снова завертел ручку шарманки.

— Ну и денёк, чёрт побери! — Открылось ещё одно окно, и в его проёме появилась бледная, постоянно всем недовольная барышня с высокой замысловатой причёской. — Брысь отсюда! — И она запустила в голову Закариаша тремя бархатными подушками с вышитыми кошечками.

Потом распахнулось окно самого богатого дома в городке, и в нём показался пожилой господин в наусниках* и высоком ночном колпаке.

— Проклятье! — прошипел он и с такой силой захлопнул окно, что с балконов всего дома попадали забытые хозяевами горшки с геранями — прямо на скрипящий и визжащий ящик, который когда-то выполнял роль шарманки.

* *Наусник* — специальное приспособление для придания формы усам.

Наконец Закариаш прекратил крутить ручку своего инструмента, опустил в сугроб и предался горестным раздумьям.

— Вот так всегда, — размышлял он вслух. — Куда ни придёшь, всюду только и слышишь: «Безобразие! Кошмар! Проваливай отсюда со своим ржавым ящиком!..»

— Они правы, Закариаш, — перебил его размышления какаду с пёстрым хохолком, выбравшийся из-под цветочных горшков на крышку шарманки. — Это действительно ржавый, скрипучий ящик!

— И ты против меня, Жозеф?! — вскочил Закариаш. — Уж ты-то знаешь, какая беда меня постигла.

— Знаю-знаю!

— И ты знаешь, что уже два года я никому не могу рассказать об этом, потому что мне вечно мешают.

— Мешают, потому что ты уже два года не можешь починить свою шарманку! — нахохлился какаду.

— Неужели это так важно? — повернулся к нему Закариаш и начал нервно расхаживать по площади, утопая по колено в снегу. — Я не в состоянии возиться с этой проклятой шарманкой, Жозеф. У меня сердце разрывается от горя! Я хочу, чтобы все узнали, как нас бросили на произвол судьбы папа Альбин, мама Серена и моя любимица Фружина.

— Ты думаешь об этих белых мышах? — уставился на него Жозеф.

— О ком же ещё? Разве у нас в труппе были серые мыши?

— Нет! — с гордостью ответил Жозеф. — У нас был всемирно известный театр белых мышей «Бродячая шарманка». Ты был директором... — Расчувствовавшись, попугай начал пощипывать клювом замёрзшие пальцы Закариаша. — А я — кассиром.

— И вдруг они ни с того ни с сего сбежали! — воскликнул Закариаш, отстраняя Жозефа, который тем временем уже пристроился у него на плече и пощипывал мочку уха. — Не понимаю! Не могу этого понять! — разволновался бывший директор театра, вновь меряя шагами маленькую площадь.

— А ведь всё очень просто! — бросил какаду. — Они были голодные!

— Голодны? — остановился Закариаш.

— Да! Как и я в данный момент.

— Так брось меня и ты, Жозеф! — Странствующий музыкант патетическим жестом указал куда-то вдаль. — Ступай куда глаза глядят!

— Ну уж нет! — воскликнул попугай и прыгнул внутрь шарманки, откуда сразу же поднялось огромное облако пыли.

— Что ты делаешь, Жозеф? — в недоумении поинтересовался Закариаш, вытаскивая его оттуда за хвост.

— Навожу порядок! — буркнул какаду и снова исчез в недрах музыкального ящика.

Оттуда донеслись стук, лязг, дребезжание, и поочередно вылетели поварёшка с длинной ручкой, облупившаяся эмалированная кастрюля, сапог с отвалившейся подмёткой, дырявый матрац с тремя сиротливыми пружинами, торчащими в разные стороны, и пожелтевший скелет кита...

— Прекрати! — крикнул Закариаш, постучав в позолоченную стенку шарманки. — Она уже никогда в жизни не сможет играть нормально.

Но Жозеф, не обращая на него внимания, продолжал выбрасывать из чрева инструмента всякий хлам. Среди всего прочего вылетело оттуда и зеркальце в золочёной оправе. Закариаш поднял его и любовно стёр с зеркальной поверхности пыль и снег.

— Это было любимое зеркальце мамы Серены. Она всегда, глядя в него, пудрилась перед выступлениями, — вздохнул директор театра и, увидев своё отражение, убрал упавшую на лоб прядь намокших волос.

— Что ж тут особенного? Разве ты видел когда-нибудь примадонну без зеркала? — отозвался попугай, и на землю полетело что-то чёрное.

— Это ведь чёрный цилиндр, который носил папа Альбин! — вскричал Закариаш и водрузил на голову крошечный — с напёрсток величиной — котелок.

— Ну и что? — снова одёрнул его Жозеф. — Разве ты видел когда-нибудь белую мышь в белом цилиндре?

И он вновь нырнул внутрь, и через несколько секунд раздался его торжествующий крик:

— Есть! Вот в чём причина! Смотри, что запуталось в шестерёнках!

Из музыкального ящика высунулась голова Жозефа, держащего в клюве конец розовой ленточки. Закариаш подхватил ленточку и начал вытягивать её наружу. И тут же из недр шарманки донеслись глухие металлические звуки, которые постепенно становились всё звонче, всё чище и мелодичнее. А когда ленточка кончилась, шарманка издала громкий скрежет и смолкла. На площадь опустилась необычайно глубокая тишина.

— Ах, это был розовый бантик моей Фружины! — вздохнул Закариаш, поднося к лицу измятую ленточку, хранящую тонкий аромат, и в глазах у него сверкнули две слезинки.

— Не хнычь! Положи её в карман! — прикрикнул на него попугай.

Закариаш кивнул и начал запихивать в боковой карман совершенно спутавшуюся розовую ленточку.

— Что ты делаешь?! — возмутился Жозеф. — Её надо носить у сердца!

Закариаш бросил на попугая сконфуженный взгляд и поспешно спрятал заветную ленточку во внутренний карман.

— Вот так! — одобрил Жозеф. — А теперь начинай!

— Думаешь, стоит? — воззрился Закариаш на чистившего пёрышки какаду.

— Да начинай же! Вот увидишь — деньги рекой текут.

Закариаш глубоко вздохнул, взялся за ручку шарманки и... свершилось чудо: из допотопного музыкального ящика сначала чуть слышно, а затем постепенно нарастая полились кристально чистые звуки давно забытой прекрасной мелодии. Закариаш ушам своим не верил, но мелодия уже заполняла всю площадь Городка, врывалась в открывавшиеся одно за другим разноцветные окошки, а потом, набрав высоту, взметнулась в морозное небо, к внезапно засиявшим звёздам. Закариаш, продолжая крутить ручку, начал осторожно оглядываться по сторонам и увидел, как из окна самого богатого дома высунулся строгий пожилой господин в наусниках и высоком ночном колпаке и, опершись на подоконник, стал покачиваться в такт музыке. И точно так же принялись покачиваться в своих окнах и тучная особа в белом чепчике, и постоянно всем недовольная бледная барышня с замысловатой причёской, и привыкший бросаться книгами непризнанный поэт. И ещё Закариаш увидел, как в другом окне показалась белокурая девушка с розовым бантиком и тоже начала покачиваться в такт музыке, не замечая поэта, который уже не сводил с неё восхищённого взгляда. И тогда Закариаш запел:

Звёздочки над миром водят хоровод,
Загадай желанье — и в судьбу поверь.
Звёздочка сорвётся, в речку упадёт —
Может, что-то в жизни сбудется теперь.

Звёздочка всё знает о судьбе твоей,
Вот она мерцает в голубой волне.
Только ты напрасно тянешься за ней —
Звёздочки все тайны прячут в глубине.

Песня вспорхнула ввысь и, петляя между снежными хлопьями, которые становились всё крупнее и пушистее, пробивалась к звёздам и к сердцам детей, ведь теперь уже распахнулись все окна — и из них выглядывали раскрасневшиеся лица мальчиков и девочек, заворожённо смотревших на странствующего музыканта.

А когда он закончил, отовсюду посыпались деньги.

— Шляпу, Закариаш, шляпу! — запрыгал Жозеф на крышке шарманки. — Наконец-то я снова кассир!

Закариаш собрал сверкающие в снегу грошики и бросил их в широкополую шляпу, которую положил перед попугаем. Жозеф насчитал ровно десять сверкающих монеток. Закончив подсчёт, он махнул крылом странствующему музыканту и, когда тот подошёл, шепнул ему на ухо:

— А теперь представление, Закариаш!

— Думаешь, и это пройдёт? — засомневался музыкант.

— Как по маслу! Только начни!

— Ну хорошо, — кивнул Закариаш и начал медленно потирать руки.

Он делал это до тех пор, пока кончики его посиневших от стужи пальцев не начали излучать таинственное холодное сияние. А потом из них посыпались искры, как будто это были не пальцы, а бенгальские свечи. Дети, глазевшие из окон, разинули рты, а взрослые ахнули от удивления и остолбенели. А когда Закариаш, воздев руки, повернулся к шарманке, эти искорки заструились к инструменту, окружили его, и старая шарманка за сверкала разноцветными огоньками, как рождественская ёлка...

И вдруг, как по волшебству, она заиграла сама, без чьей-либо помощи. Эта волшебная мелодия поплыла среди красных, голубых, жёлтых, сиреневых и зелёных снежинок и не смолкла, пока Закариаш не закончил свой рассказ.

Ведь он уже начал рассказывать...

Вторая глава,

*в которой мы знакомимся с папой Мартоном,
мамой Лиди и их сыном Шомой — в общем,
со всей семьёй серых мышей*

— За морями, за долами, за высокими горами, — начал рассказчик, закрыв глаза, чтобы ничего не упустить из виду, — стоял домишко, всю заднюю часть которого — напротив входной двери — занимала сыроварня. В левом углу сыроварни, на большом круге эмментальского сыра, сладко похрапывал папа Мартон, глава проживавшего здесь семейства серых мышей...

Тут Закариаш снова протянул руки к шарманке, и из его пальцев вновь с треском посыпались искры. Дети и взрослые, наблюдавшие за ним из своих окон, опять ахнули от удивления, а потом тихонько закрыли глаза, как и странствующий музыкант, и увидели... увидели папу Мартона в пёстром домашнем халате и белом ночном колпаке, задававшего храпака на огромной — с колесо телеги — голове эмментальского сыра.

— Мартон! Мартон! — раздался голос мамы Лиди, которая тут же собственной персоной появилась на пороге сыроварни. На голове у неё красовался белый чепчик, и она на ходу взбивала

в медной миске какой-то крем. Мама Лиди приблизилась к могучей глыбе эмментальского сыра, с вершины которой доносился богатырский храп её супруга, и прямо-таки вскипела от негодования. — Мартон, бесстыдник! Опять дрыхнет! — Она привсталала на цыпочки и огрела супруга сбивалкой.

— Ой! Кошка! — вскрикнул Мартон и, скатившись вниз, стремительно юркнул в одну из дырок швейцарского сыра. — Кар... кар...

— Прекрати каркать, Мартон! Ты не ворона! — прикрикнула на него мама Лиди, заглядывая в дырку.

— Я хотел сказать: караул, кошка! — донёсся из глубины сыра голос Мартона.

— Успокойся, это не кошка, это всего лишь я, твоя законная супруга.

— Ах, это всего лишь ты? А я думал, что... — Он высунул нос из дырки и тут же снова спрятался.

— Нечего тебе думать! Уже пора вставать!

— Но, Лидике, ещё не утро, — слышалось из дырки.

— При чём здесь утро? Уже вечер! Вечер, Мартон! И мы сейчас будем ужинать.

— Ужинать?! — Папа Мартон моментально выскочил из дырки швейцарского сыра. — Так почему же ты не разбудила меня раньше?

— Тебя разбудишь, пожалуй! Хоть из пушки пали — ты и ухом не поведёшь!

— Куда... к-куда...

— Прекрати кудахтать, Мартон! Ты не курица!

— Я хотел сказать: куда лучше было бы, если б ты меня разбудила раньше. Тогда мне не пришлось бы досматривать этот ужасный сон...

— Что ещё за сон? Давай рассказывай!

— Ну хорошо. — Папа Мартон раскурил маленькую трубку и поведал, как он во сне катил тележку, на которой лежала самая большая в мире голова ароматнейшего сыра. Уже сгущались сумерки, и вдруг из-за какого-то угла выскочила самая большая в мире кошка и проглотила тележку вместе с сыром...

— Растяпа! — Мама Лиди в сердцаххватила папу Мартона сбивалкой по голове. — Ты даже не смог уберечь сыр нашей семьи! — И вдруг она застыла как вкопанная. — Послушай, а где ребёнок?

— Ты имеешь в виду Шому? — воззрился на неё папа Мартон сквозь клубы табачного дыма.

— Конечно Шому! Кого же ещё?! — бросила на него уничтожающий взгляд мама Лиди. — Разве у нас есть другие дети?

— Нет, Лидике, — промямлил папа Мартон и втянул голову в плечи, предчувствуя назревающий скандал.

— Шома, сынок мой единственный! — зарыдала мама Лиди и начала биться головой о высившиеся кругом глыбы швейцарского и голландского сыра. Внезапно она остановилась и, взглянув на папу Мартона, испуганно уставилась в потолок. — А что, если... если он осмелился пойти на чердак... и угодил в лапы Великого Кота Мага?.. Шома, мальчик мой! — И она зажмурилась от ужаса.

— Ты звала меня, мама? — послышался тоненький голосок из-за одного из сыроваренных чанов, и в следующее мгновение

перед родителями появился сам Шома в красной вязаной шапочке, надвинутой на уши.

Мама Лиди с бурной радостью обняла сына, но тут же оттолкнула его и негодуя вскричала:

— Где ты болтался, негодник?

— А что случилось? — невозмутимо отозвался Шома, устроившись в кресле и грызя кусочек рокфора.

— А то, что мы тут уже с ума сходим! Мы думали, что ты осмелился подняться на чердак и Великий Кот Маг... — Голос мамы Лиди прервался от страха.

— Успокойся, мама, я к этому чердаку и на пушечный выстрел не подойду, — проговорил Шома, не переставая жевать.

— И правильно сделаешь, сынок, — вставил папа Мартон, и его серые щёки побледнели от волнения. — Великий Кот Маг не знает пощады!

— Великий Кот Маг — это гроза всего нашего дома! — схватила сына за плечо мама Лиди.

— Это страшный колдун! — потянул сына к себе папа Мартон.

— Знаю-знаю! — буркнул Шома, высвобождаясь из родительских объятий. — Я только одного не пойму: как это Великий Кот Маг ни разу ещё не заглянул сюда, в эту сыроварню?

— Это действительно странно, — согласился папа Мартон, выколачивая трубку. — Однако голос его мы слышим каждый день...

Не успел он закончить, как сыроварню потрясло душераздирающее мяуканье. Серые мыши задрожали и уставились в дощатый потолок, прямо над которым находился чердак. Из-за прогнивших досок пробивался мерцающий свет, а из щелей посыпалась пыль.

Наверху кто-то ходил.

— Ты только не волнуйся, Лидике! — засуетился папа Мартон, снова набивая трубку. — У тебя слабое сердце...

— Хватит болтовни! — отрезала мама Лиди и поправила сбившийся чепчик. — За стол!

— Подожди, мама! — уцепился за её юбку Шома. — Послушайте, что я расскажу. Это очень интересно.

— Я сказала: за стол! — повысила голос мама Лиди, но, поймав умоляющий взгляд сына, смягчилась. — Ладно, говори!

— Знаете, у нас в городе появился очень странный человек... — начал Шома.

— Что значит — странный человек?! — подбоченилась мама Лиди. — Заруби себе на носу: для мышей все люди странные!

— Но у него и имя очень странное, — продолжал Шома. — Представьте себе, его зовут Закариаш. И у этого Закариаша есть шарманка, и она открывается, и в ней поют и танцуют белые мыши.

— Какие мыши, сынок? — нахмурилась мама Лиди.

— Белые мыши, — повторил Шома.

У мамы Лиди и папы Мартона подкосились лапы, и им пришлось прислониться к стенке, чтобы не упасть.

— Но ведь белых мышей на свете не бывает, — первой пришла в себя мама Лиди.

— Бывает! — топнул лапкой Шома.

Мама Лиди решительно повернулась к своему супругу.

— Мартон, разве существуют белые мыши?

— Не существуют, Лидике, — покорно помотал головой папа Мартон.

— А я всё равно видел их! — снова топнул Шома. — Это была целая семья: папа, мама и... очень хорошенькая дочка.

— И тоже белая?! — взвизгнула мама Лиди.

— Как самый свежий сыр, — мечтательно проговорил Шома. — Нет! Скорее, как свежавыпавший снег.

— Ну всё, с меня довольно! — Мама Лиди достала клетчатую скатерть, расстелила её на круглом куске сыра, потом расставила маленькие деревянные тарелочки.

— Как самый свежий сыр... Как свежавыпавший снег... — бурчала она, раскладывая по тарелкам макароны и обильно посыпая их тёртым сыром. — Мартон! — раздражённо прикрикнула она на мужа. — Сейчас же убери свою трубку и начинай!

— Хорошо, Лидике. — Папа Мартон суетливо сунул трубку в карман и затянул традиционную песню серых мышей, исполняемую во время ужина:

Сыр эмментальский и сыр рокфор
Радуют сердце, ласкают взор.
Масло — на хлеб, а на масло — сыр,
Вот для души и для сердца пир.

А мама Лиди и Шома с энтузиазмом подхватили:

Правда, неплохо и сыр — на сыр,
Вот для души и для сердца пир.

Дальше вся семья уже пела вместе. Они ели и пели. Пели и ели. И маленькими вилками отбивали такт на деревянных тарелочках.

Нет ничего прекрасней в мире,
Чем дырки в ароматном сыре
В вечерний час и в поздний час!
Не нужно к сыру нам гарнира,
И, словно звёзды, крошки сыра
Сверкают на усах у нас!

Третья глава,

в которой мы знакомимся с артистами, сбежавшими из театра белых мышей «Бродячая шарманка»: папой Альбином, мамой Сереной и их дочкой Фружиной

В то время когда семья серых мышей бодро уписывала свой ужин, одна из задних дверей сыроварни со скрипом приоткрылась и в узкой щели сначала появился беспокойно принюхивающийся к запахам нос белой мыши, затем голова в чёрном цилиндре и наконец на покрытый плесенью пол сыроварни ступил во всём своём мышином невеличии сам Альбин Альбинозо Верхнемышенский, характерный актёр некогда прославленного на весь мир театра белых мышей «Бродячая шарманка». Папа Альбин — именно так его звали в узком семейном кругу — огляделся и прошептал в дверную щель:

— Входите, мои дорогие! Отсюда идёт сырный запах.

— Ах, Альбин, я этого не выдержу. Вы целый день таскаете меня по этому невыносимому городу и всё без толку, — укоризненно промолвила одетая в сиреневое вечернее платье изящная дама-мышка с модной высокой причёской: Серена Верхнемышенская, примадонна вышеупомянутой театральной труппы и

одновременно супруга нервного господина в цилиндре. Она вошла в сыроварню, пошатываясь от усталости и обмахиваясь веером из страусовых перьев, и на одном дыхании продолжила: — Ах эта постоянная неопределённость! Что за день! Что за кошмарный день, Господи!.. Этот побег от Закариаша...

— Наверно, нам лучше вернуться к дядюшке Закариашу! — выпалила впорхнувшая вслед за матерью курносая Фружина. Она была такой же белой, как и её родители, и всегда носила розовое платице с оборками.

— Вернуться?! К этому несносному субъекту?! Который годами в каждом городе играет одну и ту же пьесу?! — От возмущения у папы Альбина даже щетина на носу встала дыбом.

— И что из этого? — в недоумении поглядела Фружина на отца, развязывая тем временем розовый бантик на голове.

— Касса пуста! — стукнул папа Альбин об пол тростью с серебряным набалдашником. — Желудки у нас тоже пусты!

— И всё-таки я считаю, что надо вернуться!

— Вернуться?! Отсюда?! Где всё пропитано таким упоительным запахом сыра?! Никогда!!! — потряс в воздухе тростью папа Альбин.

— Но, папочка, а как же репутация? — тронула отца за руку Фружина.

— Именно об этом и речь, дочка! — приосанился глава семейства. — Как раз моя репутация не позволяет мне это сделать. Запомни: никогда и ниоткуда Альбин Верхнемышенский ещё не поворачивал обратно. Сейчас я пойду проверю, что там за этими сыроваренными чанами.

И с этими словами он исчез в темноте.

— Будьте осторожны, Альбин! — Мама Серена приподнялась на цыпочки и так и стояла, вглядываясь в беспросветную даль, пока он не вынырнул из-за чана.

— Порядок! — провозгласил глава семьи с торжествующим видом.

— Что там? — схватила его за рукав мама Серена.

— Сыр, мои дорогие! Целые горы сыра!

— Так пойдёмте! Чего мы ждём?

— Минутку! — остановил её папа Альбин и снял цилиндр. — Прежде чем мы переступим этот порог, я хочу вас предупредить, что этот момент будет судьбоносным. Дорогие мои, после стольких лет скитаний мы стоим наконец перед нашим будущим домашним очагом...

У Мама Серены на глазах выступили слёзы.

— Что мне в вас всегда нравилось, Альбин, так это то, что вы умеете находить самые верные слова, подходящие к случаю.

— Благодарю вас, Серена! — Альбин Альбинозо Верхнемышенский снял цилиндр и отвесил церемонный поклон. — Вы достойная спутница моей жизни, ибо сумели в очередной раз дать заслуженно высокую оценку сказанному мною. Но я буду краток. Начинается обретение родины, и это ставит перед нами определённые задачи.

Мама Серена почувствовала неладное.

— Я имею в виду обретение родины в самом буквальном смысле этого слова. — Папа Альбин снова надел цилиндр. — Поскольку там, внутри...

— Кошка! — пискнула Фружина и выскочила за дверь.

— Нет! — мотнул головой папа Альбин.

— Две кошки! — в ужасе прошептала мама Серена и начала падать в обморок.

— Нет-нет, дорогая! — подхватил её Альбин. — Никаких кошек. Там живёт мышиная семья.

— Так что же в этом страшного? — Глаза мамы Серены округлились от удивления.

— Они серые, дорогая, серые! — отчеканил папа Альбин.

— Серые мыши? — Мама Серена снова начала падать в обморок. — Это конец! Ведь они же такие, как эти самые...

— Вы совершенно точно изволили выразиться, дорогая Серена. — Альбин опять подхватил свою спутницу жизни. — Они именно такие, как эти самые.

— И вы собираетесь жить вместе с ними, Альбин?! — И она в третий раз стала падать в обморок.

Но на этот раз супруг не поддержал её. Он поправил на голове цилиндр и юркнул за огромный сыроваренный чан. Серене и Фружи ничего не оставалось, как покорно последовать за ним.

Четвёртая глава,

в которой семьи серых и белых мышей сталкиваются друг с другом

Папа Мартон, мама Лиди и Шома заканчивали ужин, когда мама Лиди внезапно взвизгнула:

— Белая мышь!

— Перестань, Лидике! — отмахнулся папа Мартон, продолжая жевать сырную корочку. — Вечно тебе мерещатся всякие кошмары.

— Молчи, дуралей! — зашипела на него мама Лиди. — Если я говорю, что вижу белую мышь, значит, я действительно вижу белую мышь!

— Но, дорогая, ты же сама сказала, что белых мышей не бывает. А твои слова для меня...

Папа Мартон не смог закончить фразу и так и остался с открытым ртом, потому что перед ним стояла самая настоящая белая мышь... И даже не одна... У папы Мартона помутилось в глазах, и он выронил сырную корочку.

— Приятного аппетита! — произнёс пришелец. — Простите за беспокойство! Позвольте представиться! Альбин Верхне-

мышенский! Моя супруга Серена! А это наша любимая дочь Фружи!

— Мартон, скажи же что-нибудь! — прошипела мама Лиди.

Папа Мартон растерянно уставился на папу Альбина и наконец брякнул:

— Добро пожаловать!

— Недотёпа! — процедила сквозь зубы мама Лиди, а затем повернулась к папе Альбину: — Послушайте, сударь, — начала она, — во-первых, мы сейчас ужинаем...

— О, пардон, продолжайте, мы не хотим вам мешать! — вставил папа Альбин.

— Я ещё не закончила! — повысила голос мама Лиди. — Во-вторых, мы тут не принимаем гостей, особенно незваных!

— Да, но мы пришли вовсе не в гости. Мы подумали, что в этой сыроварне достаточно много места и мы тоже могли бы здесь поселиться, — с глубоким поклоном проговорил Альбин.

— Здесь?! — подбоченилась мама Лиди.

— Ну да, здесь!

— А по какому праву, позвольте спросить?

— По такому же праву, как и вы.

Мама Лиди начала закипать.

— Мартон, не молчи как пень, делай что-нибудь, а то я сейчас выцарапаю им эти розовые гляделки!

Папа Альбин ощерился так, что при этом сверкнули его мелкие острые зубы, и повернулся к папе Мартону.

— Должен предупредить вас, сударь, что у меня не менее крепкие зубы, чем у вас, и что при определённых обстоятельствах я за себя не ручаюсь!

— Альбин, не надо так нервничать, вам это вредно! Пойдёмте отсюда! — попыталась увести своего супруга мама Серена.

— Нет, радость моя! — взвился Альбин. — Мы никуда отсюда не пойдём!

— Неужели вы унижитесь до ссоры с этими неотёсанными увальнями? — зашептала ему на ухо мама Серена, причём довольно громко, чтобы и другие услышали.

— Что?! Это мы — неотёсанные увальни?! — возмутилась мама Лиди и схватила обидчицу за волосы, уложенные в высокую причёску. — Ах ты, поганка бледная!

— Дылда! — огрызнулась мама Серена, вырвавшись из её цепких лап.

И тут между ними встал Альбин.

— Весьма сожалею, но я не намерен больше выслушивать подобные вещи! — щёлкнул он зубами. — Имею честь сообщить вам, что с сегодняшнего дня — согласно древнему мышиному закону, то есть по праву острых зубов, — половина этой сыроварни принадлежит нам.

Он отодвинул с дороги маму Лиди, приподнял на прощанье цилиндр и в сопровождении своей семьи покинул уголок сыроварни, занимаемый серыми мышами.

После всего случившегося мама Лиди с трудом пришла в себя. Она выпила три стакана воды, дотащила до огромного куска сыра, служившего стеною их жилища, выглянула в одну из дырок — и ей снова стало нехорошо.

— Мартон, они действительно вселяются сюда!

— Это невозможно, Лидике, — пробормотал папа Мартон, нервно разыскивая свою трубку.

— Если я говорю, что они вселяются... — повернулась к нему мама Лиди.

— Значит, вселяются, — сдался папа Мартон.

— Они притащили с собой даже горшок с цветами! — негодуя взвизгнула мама Лиди.

— Это невозможно, Лидике, — отозвался Мартон, продолжая поиски своей трубки.

— Если я говорю, что они притащили... — повысила голос мама Лиди.

— Значит, притащили, — заегозил папа Мартон.

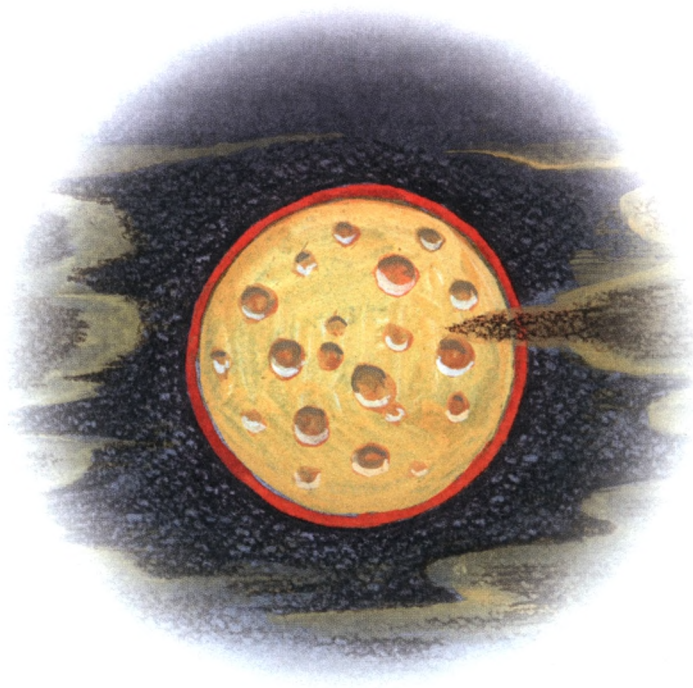
— А теперь они вешают на стену картину! — обомлела мама Лиди.

— Это невозможно! У них есть картина, которую можно повесить на стену? — усомнился папа Мартон, найдя наконец под столом свою трубку.

— У них-то есть, — бросила на него укоризненный взгляд мама Лиди и снова прильнула к дырке. — Мартон, они ложатся спать!!!

Папа Мартон хотел было сказать, что это невозможно, но передумал и только пробурчал себе в усы:

— Пойдём и мы спать, Лидике!

Пятая глава,

*в которой Шома под покровом ночи встречается с Фружи,
ведёт её на свою любимую игровую площадку,
показывает свои рисунки и рассказывает,
кто живёт на чердаке. Их свидание прерывает
появление мамы Серены*

Итак, обе семьи — и серые мыши-старожилы, и белые мыши-новосёлы — отошли наконец ко сну, и вскоре выдерживающиеся в глубине сыроварни квадратные, овальные и круглые головы сыра начали мерно подрагивать от дружного храпа возросшего населения этой райской обители. Только Фружи и Шома в этот поздний час не спалось. Фружи так беспокойно ворочалась на огромном куске эмментальского сыра, что даже сбросила на пол кружевное одеяльце. Внезапно она услышала лёгкий шорох и, соскочив вниз, подбежала к занавеске, которая этим вечером разделила сыроварню на две части.

— Кто там? — спросила она, осторожно отодвинув краешек занавески и вглядываясь в темноту.

— Это я, Шома, — донёсся оттуда робкий голос.

— Подожди, я сейчас выйду, — отозвалась Фружи и, выскользнув из-за занавески, приблизилась к серому мышонку. — Так значит, тебя зовут Шома?

— Вроде бы так, — потупился он. — А тебя — Фружи?

— Ну в общем да, — в тон ему ответила белая мышка.

— Пойдём, я покажу тебе мою любимую игровую площадку, — сказал Шома и повёл её на вершину башни, сложенной из головок сыра в красной оболочке.

Там, наверху, он когда-то поставил маленький заборчик из плоских ломтиков сыра и развесил свои рисунки, прикрепив их с помощью булавок с разноцветными головками. Он очень любил рисовать и переносил на бумагу всё, что попадалось ему на глаза. Тут были и клоун с красным носом, и лев, и дракон, и много-много маленьких человечков — ребятни детсадовского возраста.

— Они мне нравятся, — сказал Шома, показывая на изображения малышей, — хотя я и побаиваюсь их немного.

— Дети точно такие же, как и мы, — проговорила, разглядывая рисунки, Фружи. — Бывают хорошие, бывают плохие.

— Откуда ты знаешь? — удивлённо уставился на неё Шома.

— Мы много где побывали с театром белых мышей «Бродячая шарманка». Выступали и перед такими малышами в детском саду, — быстро затараторила Фружина и вдруг замерла возле огромного портрета. — А это кто?

— Это моя мама, — с гордостью пояснил Шома и, расчувствовавшись, погладил портрет.

— А почему ты нарисовал её такой большой? — Фружина привстала на цыпочки и вытянула шею.

— Потому что она действительно такая большая, — ответил Шома.

— А это кто? — остановилась Фружина перед крошечным портретом.

— Как, разве ты не узнаёшь? — поразился Шома. — Это ведь мой папа.

— А почему ты нарисовал его таким маленьким?

— Потому что он на самом деле маленький. — Шома принялся придирчиво рассматривать портрет. — Нет, всё правильно.

— А себя ты не рисовал?

— Ну как же! Рисовал... Но это я только тебе могу показать.

Шома вытащил из-под кусочка сыра маленький, свёрнутый в трубочку, наполовину замасленный лист бумаги и медленно, очень медленно развернул его: на нём были изображены два сердечка. В одном из них Шома поместил себя, глядящего с несчастным видом на другое сердечко, которое было пустым.

— А здесь ты тоже кого-нибудь нарисуешь? — заинтересовалась Фружи.

— Да, — кивнул Шома, скручивая листок. — Тебя!

— Почему именно меня? — спросила она, поправляя бантик.

В это время ночную тишину нарушило душераздирающее мяуканье.

— Что это? — встрепелась Фружина и задрожала от страха.

— Кот, — пожал плечами Шома.

— И ты так спокойно это говоришь? — пискнула белая мышка. — Надо спрятаться! Бежим!

Но Шома мягко удержал готовую было пуститься наутёк Фружину и объяснил ей, что на чердаке обитает не какой-нибудь там заурядный мурлыка, а Великий Кот Маг, обладающий страшной колдовской силой.

— Так он ещё и колдун?! — ужаснулась Фружина. — Тогда тем более надо бежать отсюда! Скорей!

Но Шома снова остановил её и спокойно добавил:

— Он уже несколько лет живёт наверху и ещё ни разу не спускался в сыроварню.

— Но может спуститься. — Она бросила встревоженный взгляд на потолок.

— Как знать! — Шома тоже поглядел наверх и вдруг схватил Фружину за лапки и быстро проговорил: — Поэтому обещай мне, что никогда даже близко не подойдёшь к лестнице, ведущей на чердак. Обещаешь?

— Обещаю.

— Вот и хорошо.

Он отпустил Фружину, которая, потеряв равновесие, тут же плюхнулась навзничь. А когда Шома бросился поднимать её, она пристально поглядела ему в глаза и спросила:

— А почему это для тебя так важно?

— Что? — не понял Шома.

— Ну, чтобы я и близко не подходила к чердаку.

— Потому что ты мне очень нравишься, — сказал Шома и сел на красный краешек большого куска голландского сыра.

— Ты мне тоже, — сказала Фружина и уселась рядом с ним.

Некоторое время они молча сидели, болтая своими тонкими ножками, потом Шома повернулся к Фружине и спросил:

— Можно я поцелую тебя в ушко?

— Ну, если тебе этого так хочется... — смущённо промолвила Фружина.

И тут Шома запел:

Я тобою хочу любоваться,
Мне с тобой и беда — не беда.
Я от сыра могу отказаться,
От тебя — ни за что, никогда!

Взора нет на земле лучезарней,
Никого нет прекрасней, чем ты.
Никогда ни в одной сыроварне
Не встречал я такой красоты!

Звёзды, словно шкварки,
И нежны, и яркие,
Как головка сыра,
Полная луна.

Но скажу я всё же:
Нет тебя дороже.
Звёзд на небе много,
Ну а ты — одна!

Шома давно допел свою песню, а они всё сидели и болтали лапками под внезапно засверкавшими звёздами и луной.

И вдруг оглушительный крик разорвал поднебесную тишину:

— Фру-у-ужи-и-и!!!

Этот крик раскатился эхом среди объятых дремой стен сыроварни и взметнулся ввысь. Звёзды и луна сразу погасли, а Фружи спрыгнула на пол.

— Это мама! — прошептала она, торопливо поправляя бантик.

Глава шестая,

*в которой мама Серена велит Фружи идти домой,
а Шоме наносит ужасную обиду*

— Фружи, ты здесь?! — воскликнула мама Серена, вскарабкавшись на самый верхний кусок сыра и с трудом переводя дух.

— Здравствуйте, — сказал Шоме и отвесил самый учтивый поклон, на какой только был способен.

Мама Серена окинула его презрительным взглядом и пришла в полное негодование.

— Ты... с этим серым мышонком?! — набросилась она на дочь. — Хорошо, что этого не видит твой бедный отец! — Она повернулась к Шоме: — А вас, юноша, я попрошу немедленно удалиться отсюда.

От этих слов Шоме совершенно пал духом и, пригорюнившись, отошёл в сторонку. Фружи попыталась было утешить его, но мама Серена решительно оттащила свою дочь от серого мышонка и бросила тоном, не терпящим возражений:

— Немедленно домой!

— Прощай, Шоме! — обернувшись, пискнула Фружи.

— Прощай, Фружи! — грустно отозвался серый мышонок.

— Это что ещё за фамильярности?! — взвилась мама Серена и, с угрожающим видом приблизившись к Шоме, отчеканила: — Не смейте обращаться к моей дочери на «ты»!

И она удалилась с гордо поднятой головой. Фружи покорно поплелась за ней.

— «Не смейте обращаться к моей дочери на „ты“!»! — горестно повторил Шома. На его глаза навернулись слёзы, и он принялся яростно срывать свои рисунки с кусочков сыра, окружавших игровую площадку.

Глава седьмая,

в которой Фружина приходит к Шома, и они опять поднимаются на игровую площадку, где Шома рисует Фружину, но вдруг раздаётся голос мамы Лиди...

Шома сидел на своей кроватке и печально грыз сырную корочку. Он даже не замечал, эмментальский это сыр или голландский, настолько тяжело было у него на сердце. Внезапно снаружи раздался лёгкий шорох. Шома прекратил жевать и наострил уши.

— Кто там? — спросил он сдавленным голосом.

— Это я, Фружина, — донёсся ещё более тихий голос.

Шома спрыгнул с постели, медленно подошёл к занавеске, разделяющей сыроварню, и высунул голову в щёлку. Там топталась Фружи, которая в лунном свете была ещё белее, чем обычно.

— Зачем ты пришла? — спросил он.

— Я... я... просто... — залепетала Фружи, подыскивая слова, а затем выпалила одним духом: — Я больше не выдержала без тебя. Вот поэтому я здесь.

— Но ведь я всего лишь обычный серый мышонок, — насутился Шома.

— Оставь эти глупости! Выходи!

И он вышел. И они снова поднялись на вершину сырной горы, и Фружи навела там порядок, а потом Шома достал из укромного места незаконченный рисунок с двумя сердечками, усадил подругу так, чтобы она вся оказалась в лунном сиянии, взял коробочку с цветными карандашами и нарисовал её портрет во втором сердечке. Фружина пришла в восторг от этого рисунка, но ей не понравилось, что у мышонка, изображённого в первом сердечке, всё ещё такой грустный вид.

— Подожди, сейчас я исправлю, — сказал Шома и вынул из коробочки красный карандаш.

И в этот момент сыроварню потряс истошный крик:

— Шома!!!

— Это твоя мама! — вздрогнула Фружи. — Давай спрячемся!

— Поздно, — вздохнул Шома и, понурившись, начал спускаться вниз — навстречу неизбежности.

Фружи последовала за ним.

— Ну и как это понимать? — угрожающе надвинулась на них мама Лиди. — Что это за ночные прогулки?

— Здравствуйте, — пискнула Фружи, сделав книксен.

— Это ещё что за новости?! — мама Лиди неодобрительным взглядом окинула белую мышку.

— Мы с Шомой... — дрожащим голосом начала Фружи.

— «Мы с Шомой...» — передразнила её мама Лиди. — Вы только посмотрите на неё!.. Эта хилая подопытная мышь...

— Мама, прекрати! — подал голос Шома.

— Молчать, когда я говорю! — прикрикнула на него мама Лиди. — Ну на что тебе эта белобрысая задавака, эта вывалянная в муке белоручка?

Шома попытался что-то сказать, но остановить маму Лиди было уже невозможно.

— В своём ли ты уме, сынок? — тараторила она. — С кем ты водишься?! Эта особа не сможет даже перекатить грецкий орех из

угла в угол, настолько она хилая и изнеженная. — Мама Лиди вплотную приблизилась к дрожащей Фружине и, приподняв её голову за подбородок, в негодовании вскричала: — Ты только посмотри на её глаза: они же красные! Она наверняка их чем-то красит. Это в таком-то возрасте! Что же дальше-то будет?

На шум появилась заспанная мама Серена.

— Фружи! — остолбенела она. — Что ты тут делаешь с этими серыми мышами?!

— Вы очень кстати пришли, соседushка, — повернулась к ней мама Лиди. — По крайней мере объясните своей дочери, что это неприлично — ходить по ночам к незнакомым юношам. У нас, во всяком случае, это не принято.

— Какая бесстыдная ложь! — взвилась мама Серена. — Моя дочь не способна на такое! Если хотите знать, ваш сын первый пришёл, но я ему сказала...

— Что же вы ему сказали? — угрожающе перебила её мама Лиди.

— Я сказала... я сказала, что... — Мама Серена задохнулась от возмущения и крикнула во тьму сыроварни: — Ах, это выше моих сил! Альбин! Альбин!

— Что случилось, дорогая? — Показался из-за большой головы сыра розовый нос папы Альбина.

— Наша дочь... — Мама Серена хотела было упасть в обморок, но собралась с силами и двинулась к маме Лиди: — Ваш сын — недотёпа и нахал, и это он во всём виноват!

— Мой сын — недотёпа и нахал?.. — с трудом перевела дух мама Лиди. — А ваша дочь — рахитичная, красноглазая... мокрая курица.

— Моя дочь — мокрая курица?.. Ну, это уже перешло все границы! — Мама Серена остановилась и свистящим шёпотом бросила в лицо своей противнице: — Вы... вы — базарная склочница!

— Ах, ах, ах! Какие мы нежные! — язвительно усмехнулась мама Лиди. — А сама-то ты кто, знаешь?

— Ну? — вытянулась в струнку белая мышка-мама.

— Пожарная сирена! Визжишь как на пожаре!

Не найдя достойного ответа противнице, мама Серена снова решила упасть в обморок, но в этот момент появился папа Мартон.

— Хорошо, что ты пришёл, Мартон! Скажи наконец хоть что-нибудь, — повернулась к нему мама Лиди.

Папа Мартон воззрился сквозь очки на возбуждённую компанию и растерянно вымолвил:

— Моё почтение!

— Размазня! — рявкнула мама Лиди и толкнула мужа прямо на папу Альбина, которому это очень не понравилось.

— Должен предупредить вас, — заявил он, — что в подобных ситуациях я за себя не ручаюсь!

Мама Лиди восприняла это как угрозу и поэтому не замедлила схватить деревянную ложку и огреть ею по голове беднягу Альбина, взывшего от боли и неожиданности.

— Ты ударила Альбина?! — поразились мама Серена и, вооружившись сковородкой, бросилась на маму Лиди.

И тут началась общая потасовка. Белые и серые мыши, войдя во вкус, усердно колошматили друг друга всеми предметами, какие только можно было найти в сыроварне. В воздухе летали ножи, вилки, дуршлаги, тарелки, кастрюли и поварёшки. Вся сыроварня сотрясалась от грохота и гвалта, и было жарко, как в парной.

Восьмая глава,

*в которой Фружина в отчаянии решает пойти на чердак
к Великому Коту Магу*

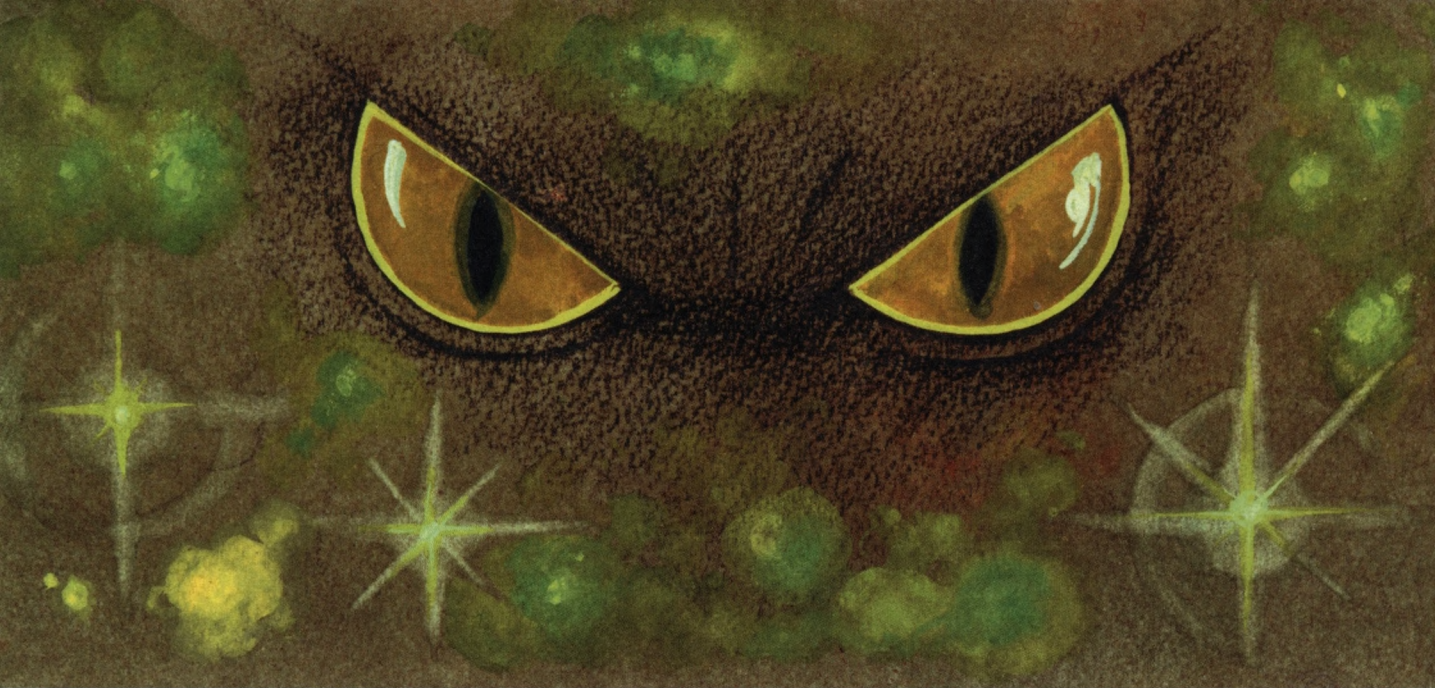
Пока взрослые бросали друг в друга предметы кухонной утвари, сопровождая эти действия оскорбительными высказываниями, Фружи забралась наверх — на любимую игровую площадку Шомы. Здесь её заплаканные глаза остановились на его рисунках. Она принялась внимательно рассматривать их, а когда дошла до двух сердечек, в которых они с Шомой улыбались друг другу, из глаз её вновь потекли слёзы.

— Не могу больше! — зарыдала она. — Лучше сразу попасть в лапы коту, чем так мучиться...

И она двинулась к правой лестнице, ведущей на чердак. Но перед первой же ступенькой на миг остановилась, вынула из кармана фартука кусочек жёлтого сыра и устремила на него задумчивый взгляд.

— Это последний кусочек сыра в моей жизни, — вздохнула она. — Хоть чуть-чуть полакомлюсь...

Съев половину, она решительно отшвырнула оставшийся кусок далеко в сторону и ступила на лестницу.

Девятая глава,

*в которой Фружина встречается с Великим Котом Магом
и просит всемогущего волшебника превратить её
в серую мышь*

Посреди чердака восседал грозный Кот Маг. Его чёрная, сверкающая, расшитая звёздами и различными волшебными заклинаниями шапка-невидимка доставала почти до бревенчатых перекрытий потолка, а ещё на нём был халат, также украшенный звёздами. Рядом стоял огромный железный котёл, в котором бурлила прозрачная зеленоватая жидкость. Сквозь пар, поднимающийся из котла и заволакивавший весь чердак, сияли жёлтым блеском глаза огромного кота, который бормотал слова страшного заговора:

Власть велика у Кота, если он
Силой волшебной к тому ж наделён.
Абракадабра, свершайся чудо,
Дурман колдовской, закипай в котле!
Страшную тайну узнать хочу я:
Долго ли мышкам ходить по земле?

Маг устремил на Фружину пронзительный взгляд, полыхнувший зелёным светом, и грозно спросил:

— Что ищешь ты здесь, куда ещё не осмеливалась заходить ни одна мышь?

— О, всемогущий Великий Кот Маг, я... я пришла к тебе, — пролепетала Фружина.

— Это я вижу, иначе ты не была бы здесь, — голос его смягчился. — А скажи, Фружина...

Но он не закончил фразу, потому что маленькая белая мышка перебила его:

— Откуда ты знаешь, что меня зовут Фружиной?

Её розовые глазки округлились от удивления.

— Великий Кот Маг знает всё! — отрубил волшебник и угрожающе ощерился. — И не перебивай меня! Я от этого начинаю так нервничать, что могу сразу проглотить тебя. А мне это не по нраву. Я люблю сначала поиграть с мышками.

— Можешь меня хоть сразу съесть! — зашлась от рыданий Фружина. — Мне теперь уже всё равно!..

— Ну-ну, не надо так расстраиваться, барышня! — Кот протянул лапу, чтобы погладить Фружи. — А вдруг я сумею тебе чем-то помочь.

— Мне уже никто не сможет помочь... — Фружина опустила на корточки, захлёбываясь слезами. — Ах, моё сердце разрывается от горя!

На чердаке наступила тишина. Даже зеленоватая жидкость в котле перестала бурлить. Только снизу, из сыроварни, сквозь прогнившие брёвна доносились крики и шум потасовки серых и белых мышей.

— Ну, что у тебя за беда? — сочувственно промурлыкал Кот Маг.

— Шома!.. — снова захныкала Фружи.

Кот улыбнулся.

— Дорогой, милый Великий Кот Маг, — проговорила она, наконец набравшись храбрости, — преврати меня в серую мышку.

— В серую мышку?! — вскричал Кот с наигранным возмущением.

— Да-да, — закивала Фружи.

— А ты хорошо подумала, прежде чем просить об этом?

Фружи вытерла лапками глаза и снова кивнула.

— Что ж, дело твоё... — Кот потянулся и, подняв свою огромную лапу, добавил: — Но должен тебя предупредить, что это превращение не принесёт тебе слишком много радости.

— Всё равно я хочу стать серой мышкой! — топнула лапкой Фружина.

Кот некоторое время испытующе глядел на впавшую в отчаяние маленькую белую мышку, а потом велел ей встать возле кипящего котла и закрыть глаза. И медленно, нараспев произнёс:

Власть велика у Кота, если он
Силой волшебной к тому ж наделён.
Миг превращенья наступит сейчас:
Белая мышка, стань серою враз!

Под воздействием заклинания зеленоватая прозрачная жидкость выплеснулась из котла, а из шерсти Кота Мага с треском посыпались белые искры, и весь чердак заволокло дымом. Кот Маг сделал несколько таинственных пассов — дым рассеялся, и вот уже чудо свершилось: перед добродушно урчащим котлом стояла Фружина, которая была с ног до головы СЕРОЙ.

— Всё! — сказал Кот Маг. — Можешь открыть глаза.

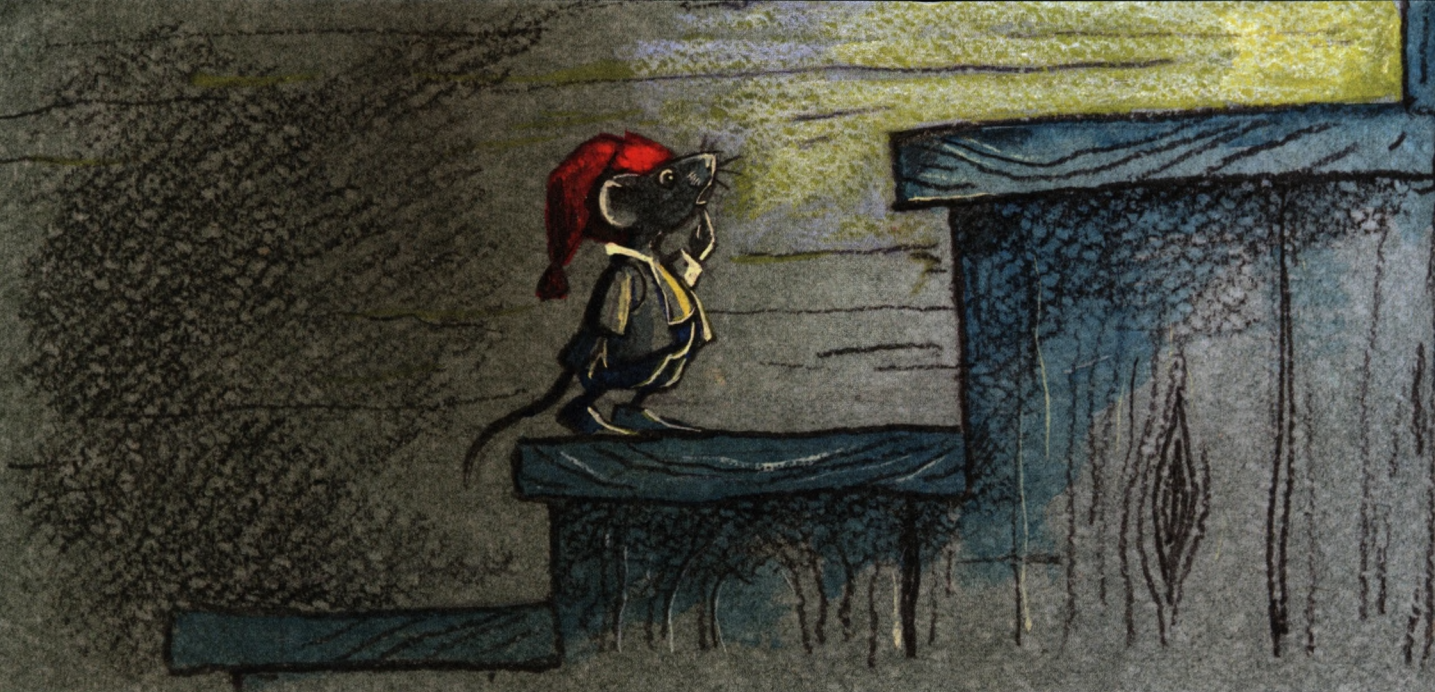
Фружи послушно открыла глаза, посмотрелась в блестящую боковую поверхность котла и пустилась в пляс от радости.

— Большое тебе спасибо! — сказала она Великому Коту Магу и, сделав на прощанье книксен, побежала к лестнице.

— Постой! — раздался сзади голос волшебника. — Запомни и учти на будущее древнюю кошачью поговорку «Кошка мышку второй раз не упустит».

С этими словами Кот Маг отпустил Фружину, которая вне себя от счастья ринулась вниз по ветхой лестнице.

Десятая глава,

в которой и Шома приходит на чердак

А в это время по левой лестнице на чердак поднялся Шома. Он осторожно обнюхал всё вокруг, а потом двинулся к котлу, над которым клубились густые облака пара.

— Я тебя уже жду, Шома! — раздался из этих облаков звучный голос Кота Мага. — Ну, говори! Чего тебе надо?

Шома учтиво поклонился и попросил уважаемого чародея превратить его в белого мышонка.

Глаза Великого Кота Мага метнули молнии.

— В какого мышонка?! — рявкнул он.

— В белого!!! — нетерпеливо завопил Шома, не отдавая себе отчёта в том, кто стоит перед ним. — Неужели не понятно?!

Великий Кот Маг пропустил эту дерзость мимо ушей и не стал делать замечания серому мышонку. Лишь предупредил, перед тем как выполнить его просьбу, что у белых мышей жизнь ничуть не легче, чем у серых. Но Шома заявил, что всё равно хочет стать белым, и волшебнику ничего не оставалось, как начать колдовать:

Власть велика у Кота, если он
Силой волшебной к тому ж наделён.
Миг превращенья уже подоспел:
Серый мышонок, стань белым, как мел!

Когда дым рассеялся, Великий Кот Маг велел мышонку открыть глаза. Шома увидел своё отражение на боковой поверхности чародейского котла и убедился, что стал с ног до головы БЕЛЫМ.

— Спасибо тебе большое! — крикнул он и бросился было к выходу, однако Великий Кот Маг схватил его за шиворот и, подняв в воздух, промолвил доброжелательно, но строго:

— Заруби себе на носу: кошка мышку второй раз не упустит.

— По-понял... — пролепетал оцепеневший от ужаса мышонок, болтаясь на расстоянии вытянутой лапки от страшных кошачьих зубов.

— Тогда можешь идти! — Кот Маг поставил Шому на верхнюю ступеньку лестницы, и тот ни жив ни мёртв пополз вниз. А Кот Маг долго смотрел ему вслед.

— Что за глупые мыши! — вздохнул он наконец и исчез во внезапно поднявшихся клубках дыма.

Глава одиннадцатая,

*в которой Фружину купают, но никак не могут отмыть, —
и отрекаются от неё*

Папа Альбин, утомлённый недавней потасовкой, сидел в своём углу и читал газету «Мышиный рупор», а мама Серена поливала из маленькой лейки рождественский кактус, когда с чердака вернулась Фружи.

— Альбин! — вскричала мама Серена, выронив лейку. — Вы только взгляните на нашу дочь! Она же с ног до головы серая!

— Наверно, запачкалась, — предположил папа Альбин, не отрываясь от газеты. — Искупайте её!

— Придётся! — Мама Серена схватила Фружину, запихнула её в большую супницу, украшенную синими цветочками, налила туда воды и, тщательно намылив ей голову и спину, взялась за мочалку.

— Ой, глаза щиплет! — взвизгнула Фружина, отчаянно отфыркиваясь, и с такой силой заколотила лапками по воде, что сразу же окатила родителей мыльной водой. Теперь они уже отфыркивались все втроем.

— Шома! — рыдала Фружина, продолжая разбрызгивать воду.

— Если ты ещё раз посмеешь произнести при нас имя этого серого недоросля, я... я не знаю, что я с тобой сделаю! — разозлилась мама Серена и, вытащив дочь из супницы, стала придирчиво рассматривать её со всех сторон. Потом заглянула в воду и совершенно растерялась. — Странно! Вода чистая, ребёнок грязный... Альбин! Она стала ещё более серой, чем была до купания!

— Так помойте её ещё раз, дорогая! — посоветовал папа Альбин, не отрываясь от «Мышиного рупора».

— Знаете что? — Мама Серена выхватила у него газету. — Давайте помоем её вместе!

Папа Альбин неохотно поднялся и пошёл за супругой. Они вдвоём засунули дочь в супницу и принялись изо всех сил тереть её мочалками. Фружина брыкалась, визжала и, конечно же, опять обрызгала своих родителей.

— Послушайте, Альбин! — Мама Серена отозвала его в сторону и, отфыркиваясь, зашептала ему на ухо: — Я вам скажу ужасную вещь. Мне даже страшно вымолвить, но... кажется, это не Фружина!

— Сейчас я проверю! — заявил глава семьи белых мышей. Он вытащил из супницы свою дочь, серая шерстка которой приобрела от воды серебристый блеск. — Фружина! Какого цвета был твой дедушка по отцовской линии?

— Не знаю и знать не хочу! — выпалила дочь и показала ему розовый язычок.

— Не знает?! И знать не хочет?! — оторопел папа Альбин. — Дорогая, это и в самом деле не наш ребёнок! — Он вновь повернулся к лязгающей зубами от холода Фружине: — Барышня, я прошу вас немедленно удалиться из нашего дома!

— Но, папочка!.. — пискнула Фружина.

— Она называет меня папочкой?! Какое беспримерное нахальство!.. — возмутился папа Альбин. — Послушайте, барышня, если бы я был такой же неотёсанной серой мышью, как вы, я бы сказал: «Вон отсюда!»

— Хорошо, я уйду! — проговорила Фружина прерывающимся от слёз голосом, но не сдвинулась с места.

— Вон отсюда! — повторил папа Альбин и уткнулся в газету.
— Хорошо-хорошо, я ухожу! — засемила к двери Фружина.
Когда дверь за ней закрылась, папа Альбин на несколько секунд оторвал взгляд от «Мышиного рупора».
— Теперь весь вопрос в том, где же наша Фружина.
И он снова уткнулся в газету.

Двенадцатая глава,

в которой Шома тоже устраивают головомойку

— Это ты во всём виноват, Мартон, только ты! — ворчала мама Лиди, меряя шагами кухню. — Если бы ты не вступил в разговор с этими белыми заморышами, не произошло бы этой ужасной потасовки, и наш Шома не ушёл бы куда глаза глядят. Ну что ты за недотёпа, Мартон!

В это время раздался стук в дверь.

— Кажется, Шома вернулся! — встрепелась мама Лиди. — Мартон, открой сейчас же!

Это действительно оказался Шома, который, пробормотав что-то вроде приветствия, сразу же ринулся в кладовку, где хранились продукты, настолько он проголодался от испытанных на чердаке переживаний.

— Лидике, ты только посмотри! — остолебенел папа Мартон.

— Белый мышонок! — ужаснулась мама Лиди и тут же напустилась на мужа: — Как ты посмел впустить его?!

— Я не впускал его. Он просто вошёл и всё, — оправдывался папа Мартон.

— Вон отсюда! — завопила мама Лиди.

— Хорошо-хорошо, Лидике! — засуетился папа Мартон и направился к двери.

— Да не ты! А этот наглый белый мышонок! — показала мама Лиди на Шому, с аппетитом уплетавшего сырную корочку.

— Но ведь это я, Шома! — поднял голову белый мышонок.

— Он ещё называет себя Шомой! — возмутилась мама Лиди. — Обнюхай его, Мартон!

Папа Мартон подошёл к Шоме, тщательно обнюхал его с ног до головы и доложил:

— Он пахнет сыром!

— Да ты, кажется, совсем утратил свой прежний нюх! — воскликнула мама Лиди и сама обнюхала Шому со всех сторон.

— Я так и думала! — оттолкнула она сына. — От него пахнет бисквитами. От всех белых мышей пахнет бисквитами.

— Но, мама, — пискнул Шома, — какая разница...

— Он ещё называет меня мамой! — негодуя вскричала мама Лиди. — Вон отсюда! Сейчас же!

Шома посмотрел на отца и на мать, и в глазах у него появились слёзы.

— Хорошо, я уйду. Но как бы вам потом не пожалеть об этом! — Он вышел и захлопнул за собой дверь.

На маму Лиди накатил приступ ярости.

— Вон отсюда! — кричала она, топая лапками, а когда под шумок папа Мартон тоже улизнул и кричать стало не на кого, вынула из кармана фартука носовой платок и высморкалась с чувством глубокого облегчения.

Тринадцатая глава,

в которой Фружи понимает, что любила Шома за то, что он был серым, а Шома грустит по той белой мышке, какой была Фружи до превращения. И наконец они оба принимают решение

Куда оставалось идти бедному отверженному Шома, как не на свою любимую игровую площадку. Он как будто чувствовал, что Фружи уже там. В сгустившихся сумерках она сидела, забившись в уголок, и жалобно всхлипывала.

— Меня выгнали из дома! — выдохнула она чуть слышно.

— Меня тоже, — сказал Шома. — Ну и что из того? Главное, что мы теперь вместе. Перестань хныкать! Лучше посмотри на меня. — Он встал в другой угол площадки, куда падал лунный свет.

— Шома! — в ужасе вскричала Фружи, бросившись к нему.

— Фружи, что это с тобой? — вскрикнул Шома и сел от изумления.

— Я... я стала серой. Но это только ради тебя. А ты...

— Я, как видишь, стал белым... ради тебя.

Фружи села рядом с ним, и некоторое время они молчали, искоса поглядывая друг на друга.

— Почему ты так странно смотришь на меня? — не выдержала наконец Фружи и вскочила на лапки.

— А ты? — поднялся и Шома.

— Я... я вообще никак не смотрю!.. Просто, когда мы познакомились, ты был серым мышонком. А теперь... — Фружи забегала из угла в угол.

— Мне тоже нравилось в тебе то, что ты была белой мышкой. — И Шома так же забегал из угла в угол.

— Ну ничего! — остановила его Фружи. — Я всё равно к тебе очень-очень хорошо отношусь.

Шома опустил перед ней на одно колено и попытался спеть свою песенку, но сразу же сбился и сконфуженно умолк.

Фружи жалостливо взглянула на него, подошла к рисунку, на котором они оба были изображены в двух маленьких сердечках, и горестно всхлипнула.

— Какой же ты был красивый, когда был серым!

— Ах, до чего ты была хороша, когда была белой! — вздохнул Шома.

Они опять сели рядышком и погрузились в грустное молчание. Наконец Шома собрался с духом и решительно поднялся.

— Ну что, пойдём на чердак? — вскочила вслед за ним Фружи.

— Да! Даже если *кошка мышку второй раз не упустит!* — воскликнул Шома.

Он взял её за лапку, и они вместе двинулись к лестнице, ведущей вверх.

Глава четырнадцатая,

*в которой выясняются удивительные подробности
о Великом Коте Маге*

Приоткрыв чердачную дверь, Шома и Фружи боязливо заглянули внутрь. Нигде никого! Они проскользнули на чердак и осторожно двинулись дальше, обходя кучи старого хлама и глядя по сторонам. Но Великий Кот Маг как сквозь землю провалился.

— Ты видишь его? — шёпотом спросил Шома.

Фружина отрицательно покачала головой.

— Кажется, Великий Кот Маг умеет превращаться и в невидимку, — еле слышно заметил Шома.

— А может быть, он просто затаился где-то и сейчас следит за нами?.. — пропищала Фружи и в ужасе спряталась за огромный ржавый утюг.

Шома сложил лапки рупором и крикнул во весь голос:

— Великий Кот Маг! Где ты?

— Тише! — прошептала Фружи. — А то ещё услышит.

— Но ведь мы затем и пришли сюда.

Посоветовавшись, они решили, что теперь уже нечего бояться, будь что будет. И начали вместе призывать Великого Мага. Они кричали так громко, что спугнули паука, который сплетал в углу узорчатую паутину. Бросив раздражённый взгляд на нарушителей покоя, он оставил незаконченную работу и заковылял в самый дальний угол чердака.

Когда они уже охрипли от крика и присели передохнуть, на пыльной крышке старого корабельного сундука внезапно появился крошечный мышонок. Он был одет в ярко-зелёный фрак, на голове у него красовался высокий колпак, а на кончике носа блестели стёкла огромных очков.

— Кого вы тут ищете? — спросил он невообразимо высоким, тоненьким голоском.

— Нам нужен Великий Кот Маг, — начал Шома и, смерив мышонка пренебрежительным взглядом, добавил: — Но ты-то его не можешь знать. Если бы ты с ним встретился, ты бы уже давно был у него в желудке. Этот Великий Кот Маг такой огромный, такой страшный...

— Я знаю, — ответил тот, усевшись на крышке сундука и болтая тонкими лапками. — Потому что я и есть Великий Кот Маг.

Услышав это, Шома и Фружи чуть не упали со смеху.

— Не верите? — пискнул малыш, сверкнув стёклами очков.

— Нет! — дружно отозвались оба мышонка.

— Так смотрите же!.. — начал он писклявым голоском и вдруг громко мяукнул.

Страшный удар грома потряс чердак. Из прогнивших бревенчатых перекрытий вырвались жёлтые и зелёные искры, и до самого потолка поднялся столб дыма. Когда дым начал рассеиваться, перед испуганными мышатами возникла огромная фигура страшного Великого Кота Мага.

Шома и Фружина прижались друг к другу, дрожа как осиновые листочки.

— Не бойтесь! — вновь раздался писклявый голос, и вместо Кота вновь появился мышонок. — Сейчас я вам всё объясню.

Как видите, Великий Кот Маг — это не кто иной, как мышонок-чародей Паскаль. Это я! — с поклоном добавил он. — К вашим услугам!

— Зачем же ты превращался в кота и пугал нас? — спросила Фружина, уже осмелев и подойдя поближе.

— Толковый вопрос! — рассмеялся Паскаль. — А ответ прост. Дело в том, что я знаю старую кошачью поговорку «В доме достаточно и одной кошки». И я использовал свою волшебную силу для того, чтобы превращаться в кота и таким образом держать настоящих котов подальше от этого дома.

— Значит, ты придумал всё это, чтобы уберечь нас от беды! — с гордостью констатировал Шома и приосанился.

— Можно сказать и так. — Паскаль поправил очки. — А можно и по-другому: это была просто самозащита. Потому что я не люблю, когда кошки мешают мне предаваться размышлениям.

— Дорогой Паскаль! — Фружина нежно погладила мышонка-чародея. — Мы хотели бы снова...

— Как раз это я и собираюсь сделать. Закройте глаза!

Фружи и Шома послушно закрыли глаза и услышали писклявый голос Паскаля, произносившего заклинание:

Я начинаю колдовать:
Ты, белый, серым стань опять!
А ты сейчас в одно мгновение
Стань белой, как была с рожденья!
Абракадабра! Раз-два-три!
Свершилось чудо — посмотри!

А когда они открыли глаза, Фружи снова была белой, а Шома — серым.

— Ну а теперь — играть! — потрепал их по щекам Паскаль, и счастливые мышата ринулись вниз по лестнице на свою любимую игровую площадку.

Пятнадцатая глава,

в которой мышонок-чародей Паскаль ставит на место родителей Шомы и Фружи, и те с радостью предлагают друг другу мир

Мышонок-чародей Паскаль наконец-то смог открыть свою любимую книжечку, но вынужден был тут же закрыть её, потому что снизу, из сыроварни, вновь донеслись крики, шум драки и звон последних разбиваемых тарелок. Паскаль постепенно начал выходить из себя, и когда грохот и гвалт стали уже совсем невыносимыми, он решил наконец навести порядок в этом доме. Призвав на помощь свою волшебную силу, он вновь принял облик Великого Кота Мага и спрыгнул в сыроварню, оказавшись в самой гуще сражения.

— Ой, кошка! — запищали изрядно потрепанные драчуны и бросились врассыпную.

— Ну? — грозно спросил Кот Маг. — Что же вы перестали лупить друг друга? Душа в пятки ушла? — С этими словами он вытащил за хвосты спрятавшихся в дырках сыра папу Альбина, маму Серену, папу Мартона и маму Лиди, и глаза его полыхнули жёлтым огнём. — Ну так что всё это значит?

Первым пришёл в себя папа Альбин. Погладив свои трясущиеся усы, он начал:

— Видите ли, дело в том, что мы — белые мыши...

— А мы — серые! — подала голос мама Лиди.

— Для кошек это не имеет значения! — выпустил когти Паскаль.

— Вам виднее, — поддакнул папа Альбин. — Ведь вы всё-таки кот...

— Кот?! — громыхнул Паскаль и превратился в мышонка. — Простите, я забыл представиться, — продолжал он тонким, писклявым голоском. — Великий Кот Маг, он же мышонок-чародей Паскаль. Это я. — И он рассказал им свою историю и добавил: — Какие же вы глупцы! Вместо того чтобы искать различия между собой, лучше бы подумали, сколько у вас общего! А я там, на чердаке, только и слышал: «Мы — серые, вы — белые, мы — белые, вы — серые...» Что в этом особенного, если белые и серые мышата играют вместе?

— Шома! — вскрикнула вдруг мама Лиди.

— При чём тут Шома! Где моя Фружи? — зарыдала мама Серена.

Паскаль взмахнул волшебной палочкой — и посреди сыроварни появились белоснежные качели, украшенные розовыми цветами. На качелях сидели Фружи и Шома и тихо напевали:

Я тобою хочу любоваться,
Мне с тобой и беда — не беда.
Я от сыра могу отказаться,
От тебя — ни за что, никогда!

Звёзды, словно шкварки,
И нежны, и яркие,
Как головка сыра,
Полная луна.
Но скажу я всё же:
Нет тебя дороже.
Если ты со мною,
На душе весна.

Родители, улыбаясь, покачивались в такт мелодии и движению качелей. Они и сами не заметили, как эта мирная атмосфера согрела их души, выветрив из них гнев и ненависть. Согрела до такой степени, что папа Альбин вдруг подошёл к маме Лиди и пригласил её на вальс.

— Мартон, делай же что-нибудь! — шепнула мама Лиди на ухо мужу, проплывая в танце мимо него.

— Слушаюсь, Лидике! — кивнул папа Мартон и, шаркнув лапкой, пригласил маму Серену.

А когда музыка закончилась, запыхавшаяся мама Лиди повернулась к мышонку-чародею, раскачивающему качели:

— Паскаль, а что же всё-таки общего между серыми?..

— ...и белыми мышами? — докончила мама Серена.

— Сейчас объясню. — Паскаль перестал раскачивать качели и превратился в Кота. Эффект оказался таким же, как и при его первом появлении в сыроварне: мыши бросились врассыпную и попрятались во все щели. — Это первое и, собственно говоря, самое главное, — хихикнул Паскаль, вновь превратившись в мышонка.

Взрослая мышка или малышка,
Серая или белая,
Кошек боится каждая мышка,
Даже самая смелая.

— С вашего позволения, хотелось бы узнать и второе, что нас объединяет, — подал голос папа Альбин, поправляя сбившийся во время бегства цилиндр.

Паскаль зажмурился и попросил минутку терпения, так как он ужасно проголодался. Затем мановением волшебной палочки сотворил кусок сыра какого-то особого, редкого сорта и тут же начал уплетать его за обе щеки.

— Ах, какой аромат! — восхитился папа Мартон.

— Он уже съел половину, — заметил папа Альбин.

— Хотите попробовать? — бросил на них лукавый взгляд мышонок-чародей.

— Хотим! — дружно откликнулись оба семейства.

— Ну так угощайтесь! — пригласил их Паскаль и запел свою назидательную песенку:

Мыши все равны, безразличен цвет,
Был бы ясен взгляд, был бы нюх остёр.
Бел ты или сер, помни мой совет:
Ароматный сыр лучше всяких ссор!

А дальше пели уже все вместе:

Нет ничего прекрасней в мире,
Чем дырки в ароматном сыре
В вечерний час и в ранний час!
Не нужно к сыру нам гарнира,
И, словно звёзды, крошки сыра
Сверкают на усах у нас!

А потом все жители сыроварни до утра танцевали. Ели, пели и танцевали. Как уж они умудрялись делать всё это одновременно, знает один Паскаль, но он хранит это в глубокой тайне.

Шестнадцатая глава,

*в которой Закариаш прощается с жителями Городка,
потому что его ждут новые города и новые приключения*

— Ну вот и всё! — сказал Закариаш, остановив шарманку. На мгновение маленькую площадь объяла тишина, как будто с окончанием сказки закончилось и всё, что было вокруг. Снежинки замерли в воздухе, и зачарованные сказкой потрепанные вороны застыли, как чёрные тени, в небе, висящем над площадью. Огоньки свечей в окнах не колыхались, а только излучали свет. И огонь в печках не трещал, а лишь испускал тепло. Но интереснее всего были улыбки, запечатлённые на лицах: как будто люди улыбались с самого сотворения мира. Как будто с сотворения мира не было ни горя, ни слёз, а были только эти добрые улыбки, навеянные сказкой.

А потом раздались аплодисменты. Из окон посыпались деньги — и не какие-то там медные гроши, а настоящие золотые монеты.

— Ах, какой успех, Жозеф! Какой успех! — восторгался Закариаш, собирая разбросанные на снегу золотые кружочки.

— Ой, что это? — воскликнул вдруг какаду. — Посмотри-ка сюда! У меня, наверно, рябит в глазах. Я вижу клетчатых мышей.

Закариаш оглянулся: на крышке шарманки действительно прыгали два крошечных серо-белых мышонка.

— Закариаш! Закариаш! Возьми нас с собой! — пищали они, привставая на цыпочки, чтобы казаться выше.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — удивился бродячий музыкант.

— Нам о тебе очень много рассказывала мама, — пропищали хором клетчатые мышата.

После этого Закариаш уже ни о чём их не спрашивал. Он нашёл для них удобное место внутри шарманки и по той же тропинке, по которой пришёл, отправился к новым городам, к новым приключениям.

А жители Городка долго смотрели ему вслед сквозь снежную пелену и видели, как из окрестных хижин за ним устремляются красные, синие, зелёные, фиолетовые и розовые мышата, и в какой-то момент им показалось, будто Закариаш тянет за собой целую радугу.

Но этому уже не удивлялись ни дети, ни взрослые. Они знали: там, где появляется Закариаш, может произойти всё что угодно.

skan Larisa_F

